Далия Трускиновская

Молчок

Домовые

Далия Трускиновская

Молчок

«Автор»

2004

Трускиновская Д. М.

Молчок / Д. М. Трускиновская — «Автор», 2004 — (Домовые)

«Дом был старый, население в нем – почтенное и постоянное. Домовой дедушка Мартын Фомич сперва радовался, глядя, как в хозяйстве прибавляется книг. Ему нравилось, когда глава семейства не шастал вне дома, а сидел чинненько в кабинете, книжки читал, записи делал. Однако настал день, когда, глядя на эти сокровища, Мартын Фомич крепко поскреб в затылке. Они громоздились уже и на полу – не то что на шкафах и подоконниках. Сам он был немолод, за хозяйством досматривать привык, но эти залежи освоить и содержать в порядке уже не мог. Пришлось искать помощника…»

© Трускиновская Д. М., 2004
© Автор, 2004

Далия Трускиновская
Молчок

– На сходку пойду, – сказал домовой дедушка Мартын Фомич. – Слышь, Тришка? Тришка! Куда ты подевался?

И в очередной раз помянул Мартын Фомич внука Трифона ядреным, крепкого засола словцом, от какого иному мужику бы и не поздоровилось, однако домовые выносливы, их мало чем проймешь.

Тришка обитал на книжных полках.

Дом был старый, население в нем – почтенное и постоянное. Домовой дедушка Мартын Фомич сперва радовался, глядя, как в хозяйстве прибавляется книг. Ему нравилось, когда глава семейства не шастал вне дома, а сидел чинненько в кабинете, книжки читал, записи делал. Однако настал день, когда, глядя на эти сокровища, Мартын Фомич крепко поскреб в затылке. Они громоздились уже и на полу – не то что на шкафах и подоконниках. Сам он был немолод, за хозяйством досматривать привык, но эти залежи освоить и содержать в порядке уже не мог. Пришлось искать помощника.

Младшая из дочек была отдана замуж в хороший дом, но далеко, так что раз в год, может, и присылала весточку. Мартын Фомич получил от нее словесный привет – живы-де, здоровы, только старшего сынка пристраивать пора, он же уродился неудачный, за порядком смотреть не хочет, а все в хозяйских книжках пасется. Мартын Фомич сдуру и обрадовался.

Когда внук Тришка перебрался на новое местожительство, когда увидел кабинет с библиотекой, восторгу не было предела. И действительно – первое время он книжки холил, пыль с них сдувал, норовил деду угодить. Потом же обнаружилось, что неудачное отродье взялось учить английский язык.

– Эмигрировать хочу, – объяснил он. – Чего я тут забыл? Тут мне перспективы нетути!

За непонятные слова Тришка схлопотал крепкий подзатыльник, но не поумнел, а продолжал долбить заморскую речь. До того деда довел – тот полез на самую верхнюю полку смотреть по старому глобусу, где эта самая Америка завалялась. Америка деду не понравилась – была похожа на горбатую бабу-кикимору, туго подпоясанную. А поскольку Мартын Фомич уже непонятно который год вдовел, то все, связанное с бабами, его огорчало безмерно.

Стало быть, и теперь несуразный внучонок сидел, весь в пыли, над заморской грамматикой.

– Тришка, убью! – заорал Мартын Фомич. – Со двора сгоню!

Это уже было серьезной угрозой. Убивать родного внука домовой дедушка не станет – не так уж много их, домовых, и осталось. А со двора согнать – может. Бездомный же и бесхозный домовой хуже подвальной крысы. Но крыса – та хоть всякую дрянь сгрызет и сыта будет, домовому же подавай на стол вкусненько да чистенько. Иди, значит, нанимайся подручным, в ванные иди, в холодильные! А смотреть за порядком в холодильнике – это как? А так – каждый день шарься там, треща зубами от холода! Спецодежды же не полагается – есть своя шерстка, у которого бурая, у которого рыжеватая, той и довольствуйся.

– Ща, деда, ща! – отозвался из неведомых книжных закоулков Тришка.

Вскоре он стоял перед Мартыном Фомичем, а изумленный дед слова не мог сказать – только шипел от возмущения.

– Ты чего это, ирод, убоище, понаделал?!?

– А чего? Все так делают.

– Так то – люди!

– Ну и что? Им от этого вреда нет.

– Как же тебя эта зараза проняла-то?..

– Откуда я знаю?

Тришка всего-навсего попробовал на своей шкуре красящий шампунь хозяйской дочки. Стал в итоге каким-то тускло-красноватым, но не слишком огорчался – инструкция на флаконе обещала, что оттенок после неоднократного мытья непременно сойдет.

– Да-а… – протянул дед. – Ну, все, лопнуло мое терпение. Пойдешь со мной на сходку. Лучше пусть я в одиночку буду книги обихаживать! А тебя сдам в подручные кому построже! Лучше от пыли чихать, чем тебя, дурака, нянчить! Все! Собирайся! Пошли!

* * *

Сходку назначили на чердаке. От нее многого ожидали – нужно было принять решение по ночному клубу «Марокко».

Клуб не давал спать всему кварталу.

То есть, четыре ночи в неделю были еще так себе – мирные. А в остальные три грохотало, как на войне. Война длилась с одиннадцати вечера до пяти утра. Чтобы такое выносить, совсем нужно было оглохнуть. Люди жаловались, звонили в газеты и на телевидение, но хозяева клуба имели где-то в городской думе, а то и повыше, мохнатую лапу, и прекрасно знали, сколько следует этой лапе отстегнуть, чтобы жить безмятежно. Клуб продолжал греметь и приносить доходы – дискотека в «Марокко» считалась в городе самой крутой.

Домовым же писать и звонить было некуда, они и такого утешения не имели. Но, в отличие от людей, они не были скованы цепями уголовного кодекса. И что бы они против клуба ни предприняли – никакое разбирательство им не угрожало.

Они в тихое время, утром, неоднократно лазили в клуб, но не могли понять – что и как нужно повредить, чтобы вся эта техника раз и навсегда заткнулась. Брали с собой и Тришку – его водили вдоль высоких железных коробок, велели читать надписи на железных же табличках, поскольку его страсть к Америке уже сделалась общеизвестной. Но по названиям трудно было догадаться, в чем суть. Бабы-домовихи пробовали было читать на эти названия наговоры, но ничего не получилось.

Особенно они старались над высокой, выше человеческого роста, алюминиевой пирамидой с обрубленным верхом. Удалось выяснить, что она-то и была той утробой, где рождался неимоверный шум. Но пирамиду даже ржа – и то не взяла.

Когда Мартын Фомич с Тришкой, перекинувшись котами, перебежали наискосок через квартал и забрались на чердак, там уже вовсю галдело общество. Председательствовал домовой дедушка Анисим Клавдиевич, но толку было мало – каждый норовил перекричать прочих.

Если кто не знает, почему домовые ведут уединенный образ жизни, не всякий обзаводится семейством, так все очень просто – друг с дружкой они не ладят. То есть, коли безместный домовой прибился к зажиточному хозяйству и пошел в подручные, то домовой дедушка, считая его уже своим, с ним из-за чепухи ссориться не станет. Опять же, когда кому приспичит жениться, то при переговорах тоже стараются обходиться без склоки. Но домовые дедушки даже в двух соседних квартирах всегда сыщут, в чем друг дружку упрекнуть. А тут такое дело – сходка! Про «Марокко» и забыли – каждый вываливал свои обиды, мало беспокоясь, слышат ли его соседи.

Чердак был невелик, захламлен чрезвычайно, но именно поэтому очень даже подходил для сходки. Во-первых, тут не имелось своего хозяина, а во-вторых, каждый домовой дедушка мог выбрать закоулок по вкусу и сидеть там, оставаясь для соседей незримым и лишь подавая голос.

Анисим Клавдиевич постоял на старом чемодане, послушал визг и вопли, да и плюнул.

– Ну вас! – сказал. – Хуже людишек.

И полез с чемодана.

– Стой, куды?! – возмутилось общество. И тогда только стало потише.

Анисим Клавдиевич поставил вопрос жестко: ежели кто помнит дедовское средство для наведения тишины, пусть выскажется, потому как впору уже мхом уши конопатить.

– Заговор читать надо! – выкрикнул Евкарпий Трофимович, самый буйный из соседей, умудрившийся своими проказами выжить из квартиры три подряд семейства. Первое завело собаку не в масть – он хотел вороную с подпалинами, ему же привели белую болонку. Второе не понимало намеков – домовому, чай, угощение ставить полагается, а хозяйка жмотничала. Третье затеяло затяжной ремонт, а у Евкарпия Трофимовича обнаружился канонадный чих на все эти краски с растворителями.

– А ты его знаешь, заговор? – осведомился целый хор.

– Узнать-то можно! Только он должен быть кладбищенский!

– Тьфу на тебя! – махнул лапой Анисим Клавдиевич, а самый молодой и малограмотный из домовых дедушек, недавно женившийся Никифор Авдеевич завопил:

– Это как?!?

– А так – как-де покойник молчит, так и вы-де молчали бы, ну, и прочие слова с действиями, – объяснил Евкарпий Трофимович. – Кладбищенской землицей с семи гробов порог посыпать, ну, еще чего натворить!

– Порог и обмести нетрудно, – вставил свое слово Мартын Фомич. – А коли мастера найдут и обратку сделают? Тому, кто землицу сыпал, мало не покажется. Тут железки ихние повредить нужно раз и навсегда!

– А ты в железках разбираешься? Знаешь, чего вредить, чтобы раз и навсегда? Мы повредим – а они починят! – возразило общество.

И таким макаром препирались довольно долго. Наконец устали вопить, и вдруг наступила тишина.

В этой тишине из большой винной бутыли, пыльный бок которой треснул и выпал большим треугольным куском, раздался голос совсем уж древнего домового дедушки Феодула Мардарьевича.

– Молчок нужен.

– Кто нужен? – спросил Анисим Клавдиевич.

– Молчок.

– Это кто еще?

– Кабы я ведал! Может, вовсе не «кто», а «что»… – старичок развел крепко тронутыми сединой лапками.

– И я про то слыхал! – подал голос Мартын Фомич. – Молчка подсаживают, чтобы тихо было. Роток на замок – и молчок!

– Подсаживают – значит, живой, что ли? – шепотом осведомился внук.

– Или подкладывают, я почем знаю! Раньше вон умели, теперь уже не умеют.

Общество заспорило. Выяснилось, что это явление многим известно, способ доподлинно дедовский, но приглашают ли Молчка на новое местожительство, как принято приглашать домовых, приносят ли в лукошке, или молчок вообще – вроде камня с дыркой, который принято вешать в курятнике, никто рассказать не смог.

– От корней оторвались и засыхаем! – подытожил Анисим Клавдиевич. – Как в город перебрались, так и засыхать стали. Знания-то не нужны были – вот и выдохлись. А как потребовались – так в башке и пусто!

– Так чего же думать-то? Нужно снарядить гонца к деревенским домовым! – предложил Мартын Фомич. – Пусть подскажут, как быть!

– Ты, что ли, на деревню побежишь? – встрял склочник Евкарпий Трофимович. – Ты, поди, и не знаешь, в какой она стороне, деревня!

– Ти-ха! – пресек ссору в самом зародыше Анисим Клавдиевич. – Деревня – она со всех сторон. Если по любой улице идти все прямо да прямо – рано или поздно выберешься из города. А там уж и она!

Общество загалдело. Вот как раз тут председатель оказался неправ. Потому что в одну сторону идти – будет долгий лес, а в другую – свекольные поля величиной с какую-нибудь Голландию или Бельгию.

Мартын Фомич толкнул Тришку, чтобы спросить, что это за края такие, ближе или дальше Америки. Но внук понял вопрос без слов.

– Это еще Европа, – шепнул он. – Я тебе потом на глобусе покажу.

Дед несколько обиделся – он хотел, чтобы растолковали на словах и немедленно. Хотя вряд ли нашелся бы такой знаток географии, чтобы растолковать на словах мало что разумеющему за пределами своего жилья домовому дедушке, что еще за Бельгия такая.

– Никифор Авдеевич, тебе жену на окраине сосватали, ты сам ее перевозил, – сказал Анисим Клавдиевич. – Далеко ли оттуда до деревни?

– Там уже огороды начинаются, а есть ли за ними деревня – того не знаю, – честно отвечал молодожен. – А слыхал, хозяева говорили, что когда по грибы в лес ездили, то за лесом на шоссейке, у заправки, бабы с лукошками сидели, торговали, которая картошкой, которая яблоками, иные – грибами. Значит, где-то и деревня неподалеку.

– За долгим лесом? – переспросил председатель. – Ну, братцы, припоминайте, не осталось ли у кого там родни.

– Какая уж родня… – вздохнул чей-то хрипловатый басок.

И общество призадумалось.

– Стало быть, наугад пошлем гонца? – полюбопытствовал склочник Евкарпий Трофимович. Ему, видать, до смерти хотелось побаловаться с кладбищенской землицей.

– Наугад! – рявкнул председатель. – Выберем кого помоложе – и снарядим!

– У меня жена! – завопил Никифор Авдеевич. – Семейных гонцами не шлют!

– И помоложе тебя имеются… – Анисим Клавдиевич, смешно шевеля широкими ноздрями, повернулся прямехонько туда, где меж увязанными стопками старых журналов примостились Мартын Фомич и Тришка. – Мартын Фомич, давай-ка, яви обществу подручного!

– Нет у меня подручного, нет более! Со двора согнал! – заталкивая Тришку поглубже в щель, возразил дед.

– Да вон же он, я чую! Чего ты врешь?!

Делать нечего – Тришку вывели на всеобщее обозрение.

– Крепок, – одобрило общество. – Дойдет!

– Молчок нам всем нужен, без него хоть узлы увязывай да из дому беги, – сказал председатель. – Доставишь – наградим. В хорошую квартиру домовым дедушкой внедрим. Будешь с нами на равных.

Тришка только голову повесил – вот те и Америка…

– Припасов в дорогу соберем, слышите, братцы? Чтоб скряжничать не могли! – прикрикнул Анисим Клавдиевич. Чего греха таить – домовые дедушки скуповаты и прижимисты, это у них от избыточного усердия идет.

– Анисим Клавдиевич, он бы ежа моего прихватил, что ли? – проскрипел Феодул Мардарьевич. – Сил моих не стало!..

– Какого еще ежа?!

Старенький домовой дедушка являлся в обществе редко, все больше дремал и отмалчивался, соседи даже полагали, что совсем хозяйство запустил. И надо же – еж у него завелся!

Оказалось – хозяева дурака валяют. Притащили скотинку из лесу, решили – пусть будет заместо кошки. А ежу в спячку укладываться пора. Дома тепло, он никак не поймет, чего делать, то под ванной в тряпках заляжет, то опять вылезет. Так надо бы отогнать бедолагу в

лес, чтобы устроил себе логово по всем законам природы. Тем более, что идти гонцу – как раз лесной дорогой, вот бы и доброе дело заодно сотворил…

– Вот не было печали! – воскликнул Мартын Фомич. – Мы так не договаривались! Гонцом на деревню – это одно дело, а ежей гонять – совсем другое!

Евкарпий Трофимович обрадовался скандалу – и понеслось!

Тришка только уши поджал и головой вертел – надо же, сколько из-за него шуму, куда там ночному клубу до сходки домовых!

Деду не удалось отстоять внука. Общество приговорило: идти бы Тришке гонцом, прихватив с собой ежа, и без Молчка не возвращаться.

В ту же ночь он и отправился.

Провизии ему собрали – недели на три, Тришка даже крякнул, как мешок на спину взгромоздили. Часть ее предназначалась на представительские цели – чтобы тем, кому вопросы придется задавать, были городские гостинцы. Вручили лоскуток бумаги с адресом – чтоб на обратном пути не заблудился. Выдали также хворостинку – ежа подгонять. Вывели на улицу, туда же Феодул Мардарьевич с помощью соседей доставил заспанного и совсем бестолкового ежа. Еж щетинился и все норовил свернуться клубком.

– Ступай, чадо! – торжественно послал Мартын Фомич, указывая направление. – Ступай, ступай, авось в дороге поумнеешь! Американец!

Тришка подхлестнул ежа и зашагал вдоль кирпичной стены магазина.

И ни разу не обернулся.

* * *

Город был по человеческим понятиям невелик, но Тишка не сразу выбрался на окраину, а должен был устроить дневку в каком-то подвале. Возник у него соблазн оставить там ежа – не все ли равно, где скотинке зимовать? Сбыли с рук – и ладно. Однако не удалось. Не успел Тришка на цыпочках отойти от сонной зверюги на сотню шагов, как был ухвачен за шиворот.

– Мне подкидышей не надобно! Своей скотины хватает!

Тришка сплюнул. В ином квартале вообще ни домового, ни дворового, ни какого иного жителя, а тут в первую дыру сунулся и на подвального напоролся! Хорошо еще, не сразу его подвальный заметил, а только на выходе.

– Да ладно тебе, ладно! – заверещал Тришка. – Заберу, только пусти!

Подвальный, судя по железной хватке лап – из бывших овинников, привычных ворочать мешки с зерном, встряхнул Тришку и отбросил в сторону.

Надо полагать, он шел на запах и на звук, а глазами незваного гостя увидел, только когда тот гость, выронив мешок, приложился к стене и сполз на пол.

– Ого! – сказал подвальный. – Кто ж ты таков? Я и не разберу!

– Из домовых мы, – тряся башкой, чтобы выгнать из нее гул, отвечал Тришка.

– А мастью в кого уродился?!

– Да смою я эту масть, она у меня временная!

– Скрываешься от кого, что ли? – тут подвальный поскреб лапой в затылке, осознавая ситуацию. – Ежа угнал, что ли?

– Да на кой он мне?.. – Тришка вздохнул. – Хочешь – забирай его насовсем. Или подари кому. Ежи мастера мышей ловить, когда не спят.

– Нет, ежа не надобно. Куда же ты, домовой, собрался?

– В лес его, дурака, отогнать велели.

– Кто велел?

– Да старшие.

– А потом?

– Потом – еще дельце есть.

– А потом?

– А потом – домой. Коли жив останусь.

– С ежом я тебе пособлю. У нас тут автомобильный служит, я с ним уговорюсь. А ты оставайся. Подкормим тебя, а то, гляжу, совсем хилый.

Тришка хотел было возразить, что общество назвало его крепким и для трудного пути пригодным, но посмотрел на подвального и понял, что возражать тому следует как можно реже.

– А что за автомобильный? – спросил он, чтобы поддержать беседу.

В доме, где служил Мартын Фомич, жило немало владельцев личного транспорта. Это были мужчины серьезные, и свои машины так лелеяли, что куда там домовому! Поэтому и не приходило никому в голову нанимать особую обслугу для транспорта. Однако в богатом хозяйстве могли держать автомобильного просто чтобы выделиться и заставить о себе говорить.

– На третьем этаже у нас Панкратий Дорофеевич служит. Там богато живут, и домовиха есть, и подручных четверо, хозяин рес-то-ран держит. А рес-то-рану постоянно провизия требуется. Вот у них хозяйская машина есть, хозяйкина, сыну купили, а еще колымага – картошку с капустой возить. Там задние сиденья сняли, много чего загрузить можно. И она, колымага, оттого грязная, да еше вечно какую картофелину забудут, или луковицу, или еще чего, вонь потом стоит. Панкратий Дорофеевич подумал и взял безместного Никишку в автомобильные. Так вот – хозяин на деревне с кем-то уговорился и туда за провизией раза два-три в неделю непременно сам съездит, отберет самое лучшее, никому более не доверяет. Можно твоего ежа в багажник загнать, а потом Никишка его втихомолку выгонит. А на деревне еж сам сообразит, куда деваться.

– И то верно, – согласился Тришка. – Не знаю, как тебя и благодарить, дяденька, прости – имени-отчества не ведаю.

Он радости, что удалось без лишних хлопот избавиться от ежа, он пустился в стародавние любезности, до сих пор принятые у пожилого поколения домовых.

– Я батька Досифей.

– А по отчеству?

– И так сойдет.

Тришка побоялся даже плечиками пожать. Батька Досифей, при всем при том, что заговорил ласково, вид имел грозный. Одна густая и жесткая волосня чего стоила.

– Стало быть, спешить тебе некуда, – решил подвальный. – Я до Панкратия Дорофеевича дойду, потолкуем. Может, даже прямо завтра ежа твоего отправим. А ты жди меня тут. Вернусь – ужином тебя покормлю, на ночлег устрою.

И пошлепал прочь.

* * *

Молчок может и подождать немного – так решил Тришка, когда батька Досифей привел его в свои хоромы.

Подвал был поделен на клетушки, где жильцы раньше хранили дрова, а теперь – всякую дребедень. В одной подвальный нашел ящик с детскими игрушками, совсем древними, и там оказалась мебель – кровать, шкаф, стол со стульями, да все – не на тощих теперешних кукол, а на старинных, основательных. Все было покрыто чистыми лоскутками, на столе стояли плошечки с едой, Тришка еще мешок развязал – прямо хоть пир устраивай!

Пока разложили припасы – заявился и Панкратий Дорофеевич с домовой бабушкой.

– А что? – сказал он, охлопывая Тришку по спине и по плечам. – Малый справный. Такому не помочь – грех. Никишка завтра в дорогу спозаранку отправляется, я ему велел ежа в багажник загнать.

– Я помогу! – вызвался Тришка. – Багажник высоко открывается, ежу придется досточку положить, иначе не залезет, да как бы еще с нее не свалился.

– Сам справится, – отрубил Панкратий Дорофеевич.

Тришка понял – завидовать бедному Никишке не приходится.

Матерый домовой меж тем продолжал его изучать.

– Ты из которых будешь? – спросил наконец.

Тришка растерялся. Конечно же, батя учил его отвечать на этот вопрос, да только задали его впервые в жизни. До сих пор Тришка встречался только с теми, кто и без вопросов знал всю его родню.

– Я из Новых Рудков, – сказал он, имея в виду городской район, где родился.

– Выходит, и Старые есть? – удивился Панкратий Дорофеевич. – Нет, ты мне про род. Кто батя, кто дед, кто прадед. Когда пришли, чем занимаются.

– Батя, Орентий Фирсович, в Новых Рудках домовым в девятиэтажке, мамка при нем. Дед – Мартын Фомич…

– Дед – Фирс, а по отчеству? – перебила его супруга, Акулина Христофоровна, весьма почтенная домовая бабушка.

Тришка смутился – дед Фирс, женив сына, перебрался куда-то на покой, так что внук его почитай что и не знал.

– Да ладно тебе, – вмешался батька Досифей. – Видно же – из домовых.

– Не встревай! Нам род хороший надобен! Чтобы старших много! – прикрикнул на него Панкратий Дорофеевич. – А Мартын Фомич – кто?

– Мамкин батя. Я при нем подручным.

– Где служит? – не унималась домовиха.

Тришка, как умел, описал квартал в центре города.

– Место приличное, – согласился Панкратий Дорофеевич. – Теперь про соседей давай.

Тришка умаялся языком молотить. Когда добрался до старенького Феодула Мардарьевича, собеседник обрадовался:

– Этого я знаю1 Этот – наш! Почтенный! А ты, стало быть, Трифон Орентьевич?

– Так я ж еще не женатый! – удивился Тришка. И точно – молод он был, чтобы зваться по имени с отчеством, не заматерел. Хотя многие безместные молодые домовые сами себя с отчеством величают, и ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.